

ИСКУССТВО

ХУДОЖНИК, КОТОРОГО ЛЮБИЛ ПАПА РИМСКИЙ

О художнике Шилтяне я узнал в годы перестройки. Именно тогда я познакомился с его творчеством. И это творчество мне очень понравилось. Григорий Иванович Шилтян — выходец из Нахичевани-на-Дону. Он родился в очень уважаемой армянской семье 20 августа 1900 года. Шилтяны (Шилтяны или Шилтовы) жили в центре Ростова, в Солдатской слободе.

«Мы жили в центре, но наше жилище было скромным, и, наверное, мою маму, вдову с тремя детьми, не сочли бы за капиталистку; другие родственники, наоборот, впали в панику. Дядя Мелконов жил в большом доме, недавно выстроенном на главной улице, в доме, который, по его расчетам, должен был составить славу городу; этот дом был девятиэтажным и должен был включать в себя кинотеатр, театр, кафе, магазины и т. д.

Страх побудил его расстаться со своим роскошным зданием, чтобы укрыться у нас. Другой дядя, с женой и сыном Львом, тоже переехали прямо к нам. Наоборот, мой кузен Георгий, брат Льва, учившийся в петербургском университете, был коммунистом и на несколько дней исчез из дома.

Наш дом наполнился гостями, в каждой комнате кто-то спал, и это мне даже казалось забавным. В течение нескольких дней город оставался предоставлен самому себе, улицы опустели, никто не выходил

Толпа выкрикивала угрозы все громче и громче; круг сомкнулся, и я услышал несколько револьверных выстрелов, сопровождаемых страшным криком. В испуге я отпрянул от окна, но болезненное любопытство взяло верх, и я опять выглянул: толпа убиралась прочь, оставив на улице почти голый труп бедного юноши. Вскоре после этого из дверей вышла обезумевшая от горя женщина, которая бросилась к бездыханному телу: это была его мать. Не знаю, как долго ей пришлось стоять неподвижно на снегу рядом с трупом, потому что никто не осмеливался выйти из дома, чтобы утешить ее или оказать помощь».

Свои воспоминания Шилтян назвал «Мое приключение». Надо сказать, что приключения выдающегося художника двадцатого столетия были не только интересными, но и страшными.

Вот как он описывает свой последний день в родном Ростове. Глава называется «Роковой день моей жизни»:

Сентиментальные предметы

из-за страха перед выстрелами, которые нарушали тишину то тут, то там, особенно в ночное время. Иногда мы высовывались из парадного посмотреть, что происходит снаружи, но сразу же возвращались. Окна и двери держали плотно закрытыми, из-за боязни нападений и грабежей со стороны толп, собиравшихся в городе.

Взрослые были встревожены; иногда приходили страшные вести: говорили, что убиты некоторые известные в городе люди. Городом правила анархия, он практически оказался в руках бандитов и хулиганов.

Однажды утром, когда я смотрел из окна на пустынную, заснеженную улицу, то увидел, как перед одним из домов, стоящих в пятидесяти метрах от нашего, скопилось масса людей, угрожающе кричавших и размахивающих руками.

Там жил один мой знакомый, по имени Георгий, красивый двадцатидвухлетний парень, незадолго до революции мобилизованный на учения в звании лейтенанта, он носил великолепную военную форму и блестящие сапоги.

Я помню, как он гордо прохаживался по Садовой, но война закончилась прежде, чем его направили на фронт, и его военная карьера свелась только к тем прогулкам.

Грозная толпа придвинулась к двери его дома: внезапно распласталась створка и появилась дрожащая фигура Георгия с бледным, как снег лицом, в окружении вооруженных ружьями и палками людей, которые выволокли его на улицу. Кто-то обвинял его в том, что он офицер.

достать фальшивые документы и с ними добраться до какого-нибудь черноморского порта, где неважно как сяду на паром в Константинополь, а оттуда в Европу. Мама тоже понимала необходимость моего отъезда, потому что мой возраст подвергал меня разным серьезным опасностям...

Занятие музыкой

Было 20 ноября 1919 г., роковой день моей жизни. Сквозь свист ледяного ветра слышались выстрелы, доходящие с окраин. С наступлением темноты я вышел из дома, чтобы отправиться на поиски новостей, и случайно встретил начальника своего госпиталя, который мне сказал: «Сегодня с товарной станции в трех километрах от города отходит поезд с тяжелобольными, если хочешь уехать, я могу дать тебе разрешение на передвижение и вход на перрон».

...Я вернулся домой, волнуясь перед самым решительным шагом моей жизни, представляя себе, что буду оторван от семьи на срок, не превышающий шести месяцев, или, в крайнем случае, года, поскольку думал, что гражданская война дольше не продлится. Но это ложное убеждение подкрепляло мою силу воли, в то время как подсознание, наоборот, предчувствовало, что этот разрыв может оказаться окончательным. Это было как по собственной воле навсегда вычеркнуть самых дорогих людей из головы и сердца, оборвать все связи с ними, обрубить концы, убежать к идеалу неизвестному и, возможно, эфемерному или недостижимому.

Почти наступила ночь, и возбуждение не давало мне произнести ни единого слова. Я в последний раз прилег на диван в нашей столовой, пытаюсь собраться с мыслями и остудить рассудок, так как мучительные сомнения одолевали меня со всех сторон.

Моя одержимость все пересилила, и я решил уходить. Резко поднявшись, я сказал маме: «Я дол-

гать портреты с генералов к успеху более не привело бы. Я понял, что гражданская война может продолжаться долго, а для меня больше не было путей спасения и в скором времени меня бы бросили в кровавую бойню. Поэтому в моем мозгу категорически и решительно созрел четкий план бегства: я собирался

жен сегодня вечером вас покинуть, больше терять времени нельзя, через час все должно быть готово: необходимые документы у меня уже есть». Мама с тревогой смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в то время как горячие слезы вывали ее волнение, и глухим голосом сквозь плач она сказала мне так:

«Если это нужно, уезжай; ты ведь мужчина».

Мои брат и сестра ошеломленно смотрели на меня. Света не было, мы собирали чемодан при свечах; дети плакали, а мама молча собирала и укладывала мои вещи.

Вскоре все было готово. Я пошел на лунатика и смотрел в лица моих близких, пытаюсь заглушить эмоции и собирая волю в кулак, отвлекая себя мыслями о том, что свечи придают сцене сходство с картинами «Ночного Герардо». Было девять часов вечера. Мы хотели поужинать вместе в последний раз, но никому кусок не лез в горло.

В какой-то момент появился Иван, старый дворник, служивший у нас много лет, он должен был нести мой багаж, со словами: «Готово, барин, пойтемте». Я обнял плачущих брата и сестру и спустился вниз по лестнице в сопровождении мамы, которая держала в одной руке керосиновую лампу, защищая другой рукой ее от ветра.

В дверях в последний раз у меня сжалось сердце: лицо побледнело, плакать она перестала, но смотрела на меня своими большими, широко раскрытыми глазами, которые запомнил навсегда. Иван взвалил чемодан на плечо и вышел первым на снег. Я обнял маму еще раз и шагнул в темноту. Мама осталась стоять в дверях. Шаг через темноту я обернулся, но сквозь темноту увидел только слабый свет лампы. В тот миг меня подмывало вернуться в мамины объятия, но я решительно продолжил путь.

Через некоторое время я вновь обернулся, маленький огонек еще светился. С каждым разом, когда я поворачивался лицом к этому отблеску, он становился все слабее и слабее, пока не исчез совсем. Все было кончено. Но и по сей день случается, что нет-нет, да и мелькнет тот огонек перед моими глазами, и тогда сердце становится больно.

Всю свою жизнь я задаюсь вопросом, правильно ли я сделал, покинув свой дом и Россию. Это трудное решение повлияло на все мое дальнейшее существование. Не слепой случай, подтолкнувший меня к одному из возможных решений вместо другого, а моя воля, мой свободный выбор.

...Уверенным шагом я шел к станции, а за мной тащился бедный Иван с чемоданом, по мокрому снегу пустынной Садовой. Дул ледяной ветер, кромешную темноту и тишину вокруг нарушали небо, зловеще краснеющее на краю горизонта, и случайные выстрелы. Мы проходили мимо фонарей, на которых качались повешенные с табличками на шее «повешен за дезертирство», трагическое предупреждение и для меня; но я избегал смотреть на них. Наконец, после долгого пути мы достигли цели. Дорогу опять перегородили солдаты. Здесь я отпустил старика Ивана: «Передай еще раз маме привет», — сказал я ему, — «и успокой ее, скажи, что через полгода я вернусь».

Вот так навсегда покинул Ростов и Нахичевань великий художник XX века Григорий Иванович Шилтян. Ему не суждено было вернуться в родной город. Вот именно так навсегда в те страшные годы расставались самые близкие люди. Вот именно потому так страшна гражданская война. В тот день навсегда в Россию покинул художник, потеряв Родину и близких. Он стал человеком мира. Точнее сказать, Родина подарила его миру. И Шилтян смог своим творчеством обессмертить себя, прославив тем самым нас.

Георгий БАГДЫКОВ